

У нас нет сведений о том, долго ли продержалась такая практика внутритипографской цензуры, однако, как показывает сквозной просмотр изданий, отпечатанных в Типографии Департамента народного просвещения в первые несколько месяцев 1826 года,⁴⁷ до перепечатки листов в уже готовых книгах дело более не доходило. Характерно, однако, что в новом цензурном уставе, доработка которого активно велась в первые месяцы 1826 года и который был высочайше утвержден 10 июня, подробно регламентировались и расширялись обязанности содержателей Типографии,⁴⁸ а также предусматривалась специальная возможность остановки издания на стадии выдачи цензурского билета, если цензор в последний момент обнаруживал в книге не замеченные ранее места, подлежащие запрещению.⁴⁹

⁴⁷ Помимо книг и брошюр, перечисленных в прим. 43, в Типографии Департамента до конца апреля 1826 года были отпечатаны: «Русские мореходцы на Ледовитом океане» Д. И. Хвостова (СПб., 1825; ценз. билет: 9 марта), «Басни Ивана Крылова» (В семи книгах. Новое, исправленное и пополненное издание. СПб., 1825; ценз. билет: 20 марта), «Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом» (СПб., 1826; ценз. билет: 29 марта), «Ода на кончину Императора Александра I» А. М. Мартынова (СПб., 1826; ценз. билет: 5 апреля), «Стихи на кончину Александра Благословенного» Н. Гамулецкого (СПб., 1826; ценз. билет: 12 апреля), «Chant funèbre sur la mort de Sa Majesté l'Empereur Alexandre I» A. de Bussy-Rabutin (St.-Petersburg, 1826; ценз. билет: 12 апреля) и четвертая часть «Сибирского вестника» на 1824 год (ценз. билет: 12 апреля) (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 514. Л. 30, 31, 32, 41; № 370. Л. 956 об. — 97 об.).

⁴⁸ Ср. § 71–73, 75 «Устава о цензуре» 1826 года (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 146–148) и § 45–46 «Устава о цензуре» 1804 года (Там же. С. 94–95).

⁴⁹ См. § 78: «Равным образом позволяется цензору, давшему уже позволение на напечатание книги или рукописи, в случае, если прежде выпуска отпечатанных экземпляров из типографии найдет он, по новому соображению, что поступил неосмотрительно и что некоторые места пропущенной им книги или рукописи подлежат запрещению, докладывать о том Комитету и, с согласия его, перепечатать на свой счет листы, на которых те места открылись, с истреблением прежде отпечатанных» (Там же. С. 148–149).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-73-92

© А. В. Курочкин

А. С. ПУШКИН В «ЗАПИСКАХ О СЛОВЕСНОСТИ» ГРАФА Д. И. ХВОСТОВА

Для оценки творчества Пушкина немаловажное значение приобретают отзывы о нем современников. В их числе — неизвестные ранее суждения апологета классицизма графа Д. И. Хвостова (1757–1835), в поздние годы своей жизни выступавшего своеобразным хроникером литературного процесса. «Собираю запасы для истории словесности нашей, за которую журналист Греч так неудачно и так несчастливо взялся»,¹ — писал Хвостов митрополиту Киевскому Евгению (Болховитинову) после выхода книги Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (1822). Свои наблюдения граф намеревался в дальнейшем издать как особые «Записки о словесности», но смерть помешала ему реализовать задуманное.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, в обширном архиве Хвостова (Ф. 322) хранятся переплетенные книги графа с его замечаниями, откликами на литературные новинки, исходящей и входящей корреспонденцией за последние десятилетия его жизни. В оглавлении книг заметки, предназначенные для включения в «Записки», сопровождают соответствующие пометы. Несколько заметок Хвостов предполагал издать в томе своих прозаических сочинений, который из-за кончины

¹ См.: Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 427.

графа не вышел.² Кроме того, Хвостов намеревался составить особый словарь, содержащий биографии известных российских литераторов старшего поколения и своих современников.³ Этот замысел также не нашел воплощения, но в архиве графа сохранился перечень писателей для словаря. Под литерой «П» в этом списке, в числе других авторов, значится: «Пушкин Алек<сандр> Серге<евич>».⁴

Некоторые замечания Хвостова, относящиеся к Пушкину, были опубликованы.⁵ Однако, рассеянные в разных рукописных книгах, они в большинстве своем все еще

² Содержание тома см.: ИРЛИ. Ф. 322. № 43. Л. 2–3.

³ Опытom подобногo словаря явился «Словарь исторический о бывших в России писателях духовногo чина Греко-российской церкви» митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), в подготовке которого участвовал Хвостов. По-видимому, составлять новый словарь, включавший и светских литераторов, на первых порах граф предполагал коллегиально. Организовалось особое «Общество о Словаре», о котором в архиве графа сохранилась следующая запись: «19 марта 1826 года в собрании „Общества о Словаре“ гр. Хвостов объяснил, что намерение общества не то, чтобы составить жизнеописание каждого сочинителя в стихах или в прозе. Не взирая на пример г. Греча в учебной книге его, разделение словесности на эпохи и степени, мне кажется, излишне. <...> Описание трудов каждого сочинителя достаточно покажет степень его достоинства и славы. Особливо должно быть осторожну относительно живых. Кто будет иметь дерзость сказать живому и даже напечатать, что такой-то против такого-то второстепенный? Оставьте сие „Сыну отечества“, „Северной пчеле“ и их собратиям. Мне кажется, что разделение на степени при жизни обидно; писатели суть род раздражительный (*irritabile genus vatum*)» (*Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 424.* Хвостов приводит стих из послания Горация: *Epistole*, 2, V. 102). Граф поделился своими идеями о словаре в письме к генералу, герою Отечественной войны 1812 года, литератору, попечителю Московского университета А. А. Писареву: «Несколько просвещенных людей намереваются издать словарь русских писателей, и доставили уже мне множество записок; но что сии записки значат? Они, по большей части, оглашают только то чины, то произведения наших прозаиков и стихотворцев или незаслуженные ими похвалы, а чаще ругательство пристрастных журналистов. Мне совсем не то надобно, именно: место и время рождения автора, последний его чин в военной или гражданской службе, почести литературные и список сочинений, если можно — по годам, и когда и где напечатаны» (Там же). По-видимому, отсутствие общего мнения о принципе словаря в итоге привело Хвостова к мысли составлять его единолично.

⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 45. Л. 13. Хвостов обращался с просьбой прислать сведения для словаря к литераторам, в их числе к поэтам пушкинского круга и, вероятно, к Пушкину. Узнав о «последнем его чине», по-видимому, от кого-то из знакомых, граф писал Н. М. Языкову 8 января 1834 года: «Давний приятель Ваш, известной А. Пушкин, сияет в златошвейном кафтане. Он с нынешнего нового году придворной человек, т. е. камер-юнкер» (Там же. Ф. 348. № 19. 4. 87. Л. 25–25 об.). В письме от 3 сентября 1834 года Хвостов напоминает Языкову: «Не замедлите прислать, как я Вас о том просил, *парнасской Ваш послужной список*, т. е. биографии Вашу, в котором году и где Вы родились, где обучались, и когда напечатано полное собрание Ваших стихотворений» (Там же. Л. 29 об.). В архиве графа сохранились ответы на его просьбы. От Языкова 7 декабря 1834 года: «Постараюсь исполнить, как можно скорее, желание Вашего Сиятельства измиз мой *парнасской послужной список*, т. е. мою биографию: я уже собираю справки, нужные для этого дела, требующего сведений самых верных» (Там же. Ф. 322. № 80. Л. 193 об. — 194); и от П. А. Вяземского 4 июля 1834 года: «Что же касается до требуемых Вашим Сиятельством биографических материалов обо мне, то, к сожалению моему, не могу исполнить желание Ваше, сколь ни признаю его лестным для себя. Не имею при себе здесь в Петербурге никаких бумаг моих, и к тому же мелкие сочинения мои прозою и стихами так разбросаны в разных журналах, что и сам потерял я счет им и память о них. Впрочем, Ваше Сиятельство, можете найти в сочинении г-на Греча достаточные сведения в биографической статье обо мне. Разве только нужно будет дополнить, для большей точности, что с того времени был я пожалован в звание камергера, в вице-директоры департамента внешней торговли и в чин статского советника» (Там же. Л. 130–130 об.). Вяземский предлагал Хвостову воспользоваться статьей о себе из вышеупомянутой книги Греча (см.: *Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы*. СПб., 1822. С. 314–317).

⁵ См.: *Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 413–414*; Пушкин и Хвостов / Публ. А. В. Западова // *Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения*. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 271–272; *Балакин А. Ю. Пушкин — читатель графа Хвостова. 2. «...Он помолодел и тряхнул стариной» // Русская литература. 2014. № 4. С. 142*; *Курочкин А. В. 1) «О, когда бы обратился он к нравственным и религиозным предметам...» Неизвестные отзывы духовных лиц о Пушкине (по материалам архива графа Хвостова) // Там же. 2017. № 1. С. 127; 2) Заметка графа Д. И. Хвостова о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Там же. № 3. С. 185–187.*

остаются неизвестными. Настоящей работой мы вводим обнаруженные отзывы в научный оборот.

1

Альманах А. А. Дельвига «Северные цветы на 1828 год» вышел с опозданием в несколько месяцев.⁶ На фронтисписе был помещен портрет А. С. Пушкина — гравюра Н. И. Уткина с оригинала О. А. Кипренского, в разделе «Поэзия» были представлены пушкинские произведения «Граф Нулин», «Ангел», «Отрывок из Бориса Годунова. 1604. 16 октября. Граница литовская», «Череп (послание к Д<ельви>гу)», «Элегия» («Под небом голубым страны своей родной...»), в разделе «Проза» — «Отрывки из писем, мысли и замечания». Ознакомившись с альманахом, Хвостов оставил свои суждения о нем. По-видимому, он диктовал свои замечания секретарю или писарю, а затем переписчик оформлял эти черновые записи в других рукописных книгах. В одной из них сохранилась заметка, обозначенная в оглавлении книги так: «Об альманахе „Северные цветы“. Любопытное, нужное для „Записок о словесности“». ⁷ После ознакомления с произведениями, вошедшими в альманах, Хвостов оставил следующий отзыв:⁸ «Я читал в рождественский сочельник новой альманах, называемый „Северные цветы“. <...> О стихотворении (так Хвостов именует поэтический раздел альманаха. — А. К.) „Северных цветов“ я более ничего не могу сказать, как первая в оных пиеса есть сочинение А. С. Пушкина, именно „Граф Нулин“. Поэма это, или роман в стихах, если сказка — читатели сами рассудят; по мнению моему, стихи в стихотворении „Нулин“ и прозаические, и гораздо слабее, нежели в других сочинениях Пушкина, и даже слабее „Онегина“, и в самых пиитических дробях (détails⁹), но об этом говорить нечего, публика очень довольна, и я также, а Сленин¹⁰ — довольнее всех, потому что альманах расходится хорошо.¹¹ Прочие стихотворения¹² еще маловажнее, чем „Граф Нулин“, и коротко сказать, что <я>¹³ об них говорить не буду. Спор классика и романтика есть такая

⁶ Цензурное разрешение получено 3 декабря 1827 года. Альманах вышел в свет 22 декабря 1827 года (см.: *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. М., 1938. С. 47–48). О сложных перипетиях, сопровождавших издание, см.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига–Пушкина. М., 1978. С. 108–131.

⁷ ИРЛИ. Ф. 322. № 32. Л. 3.

⁸ Замечания Хвостова приводятся в современной орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторского языка и стиля. Отсутствующие по смыслу в рукописи слова заключены в угловые скобки, курсивом, кроме особо оговоренных случаев, выделены подчеркивания в тексте.

⁹ Подробности (*фр.*). По-видимому, Хвостов обнаружил в поэме излишние, по его мнению, подробности. Ср. оценку графом переведенной им басни Ж. Лафонтена «Муха и муравей», данную в письме к Н. И. Гнедичу (1815). Он находит, что в басне очень много «дробного стихотворства». Полагая, что Лафонтен «в стихах и прозе великий стихотворец», но «избыточен в побочных описаниях» и «его поэзия, большею частию, дробная (détail)», Хвостов отмечает «дробные красоты, кои показались» ему «пустословием, напрасно растягивающим басню» (ИРЛИ. Ф. 322. № 15. Л. 6 об. — 10).

¹⁰ Иван Васильевич Сленин (1789–1836) — петербургский издатель и книгопродавец, финансировавший издание «Северных цветов».

¹¹ Возможно, здесь Хвостов обыгрывает стихи из собственного вольного перевода «Науки о стихотворстве» Н. Буало: «Творенью этому читатель очень рад; / У Сленина его берут все нарасхват» (Наука о стихотворстве в четырех песнях. Сочинение г. Боало. Переведенное стихами с подлинника графом Хвостовым 1804 года. СПб., 1824. С. 11). В оригинале Буало французский книгопродавец Барбен (Barbin) при переводе заменен Хвостовым на Сленина. Под «твореньем» граф подразумевал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, изданную Слениным и продававшуюся в его книжной лавке (Там же. С. 81).

¹² Кроме произведений Пушкина в разделе «Поэзия» были представлены стихотворения Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова и др.

¹³ Необходимое по смыслу местоимение присутствует в черновике заметки (ИРЛИ. Ф. 322. № 11. Л. 119), но пропущено в переписанной копии (Там же. № 32. Л. 71 об.).

плоскость, что насмешит каждого: ты говоришь, что я раскольник, я говорю, что ты старовер».¹⁴

Как видим, Хвостов уклоняется от бессмысленного спора с представителями другой литературной школы, к которым относится терпимо, однако твердо придерживается классицистической позиции. Позднее, в примечании к своему стихотворению «Размышление о Спасителе Мира» (1832), он напишет, «что в обоих учениях (классическом и романтическом. — А. К.), или толках, может быть худой и хороший поэт; только равно классик и романтик не должны погрешать против рассудка и вероподобия».¹⁵

Когда «Граф Нулин» вышел отдельным изданием вместе с «Балом» Е. А. Баратынского,¹⁶ А. Ф. Воейков писал о «Двух повестях в стихах»: «Уведомив читателей о выходе в свет сих прелестных литературных игрушек, сказав имена авторов <...> нужно ли рассыпать общие похвалы и изношенные фразы, которых в десять минут можно нанизать сотню? <...> (Далее Воейков перефразирует рецензию, помещенную в «Северной пчеле».¹⁷ — А. К.) Но боясь колких, справедливых в сем случае насмешек гг. издателей „Сев<ерной> пчелы“ за такую сентиментальную нелепицу, говорю просто: это стихотворения А. С. Пушкина и Баратынского».¹⁸ Прочитав отзыв «Славянина», Хвостов замечает: «Воейков <...> лучше всех решил, рассуждая о „Графе Нулине“ и о „Бале“, он говорит: „прелестные игрушки“».¹⁹ В заметке «Нечто о повести г. Баратынского, называемой „Бал“»²⁰ Хвостов вновь соглашается с мнением критика: «„Славянин“ говорит коротко, и, сколько мне кажется, справедливо. Он <...> в двух словах заключает о „Бале“ Баратынского и „Графе Нулине“ Пушкина (сии два стихотворения переплетены вместе): „это прелестные игрушки“ и потом, распространяясь в нескольких только строках о сих стихотворениях, без делания пышных и излишних фраз, решает основательно и замысловато: „Это стихи Баратынского и Пушкина“».²¹

¹⁴ Там же. № 32. Л. 70 об. — 71 об. Черновую запись замечания см.: Там же. № 11. Л. 118–119. Фраза: «Поэма это, или роман в стихах <...> даже слабее „Онегина“» не точно и без комментария приведена в статье: Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 414.

¹⁵ Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. 3-е изд. Т. 1–7. СПб., 1829. Т. 7. С. 246.

¹⁶ Две повести в стихах: Бал. Повесть, сочинение Е. Баратынского; Граф Нулин. Сочинение А. Пушкина. СПб., 1828. Книга вышла в свет около 15 декабря 1828 года (см.: Синявский Н., Цяеловский М. Пушкин в печати. С. 56).

¹⁷ Северная пчела. 1828. 15 дек. № 150.

¹⁸ [Воейков А. Ф.]. «Две повести в стихах»: «Бал», соч. Баратынского, и «Граф Нулин», соч. А. Пушкина // Славянин. 1828. Ч. 8. № 52. С. 503 (вышел в свет 7 января 1829 года); То же: Пушкин в прижизненной критике: [В 4 т.]. СПб., 2001. Т. 2: 1828–1830. С. 105.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 140; еще одна копия: Там же. № 37. Л. 117 об.

²⁰ Публикацию заметки см.: Балакин А. Ю. Граф Хвостов о поэме Баратынского «Бал» // Пушкин и другие (двадцать лет спустя). Сб. статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб.; М., 2017. С. 261–265.

²¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 142–142 об.; копия: Там же. № 37. Л. 120. В архиве графа, среди входящей корреспонденции 1829 года, сохранилось недатированное письмо-послание к Хвостову. В нем анонимный автор сравнивает его с Пушкиным и сверх меры прославляет за оду «На мир с Оттоманскою Портою, заключенный в Андрианополе 1829 года сентября 2 дня»:

Хвала тебе певец! Великость русских дел
Один достойно ты воспел!
Меж тем как Пушкин наш, любимец Аполлона,
Как очарованный в бездействии молчит,
Твоя песнь дивная, о старец Геликона,
О дивных подвигах богатырей гремит!
Суворова воспел достойно наш Державин,
Но беспримерный мир тобою будет славен!..

При письме — комментарий Хвостова, раскрывающий имя анонима: «От безызвестного (то есть, от Воейкова пасквиль), не заслуживающий примечания и возражения» (Там же. № 36. Л. 232–232 об.). В письме к вологодскому поэту П. А. Межакову 20 апреля 1828 года граф дал Воейкову весьма красноречивую характеристику: «Что же касается до литературных судов наших глупых или коварных журналистов. <...> Воейков даром, что дворянин русской, неужели вы

По-видимому, легкой шуточной поэмой представлялся «Граф Нулин» и Хвостову. При первом прочтении поэмы он принял и слабые, по его мнению, стихи. Однако высказывания графа порой противоречивы. Его суждение о прозаических стихах находит объяснение в другой заметке, сопровождаемой следующим комментарием в оглавлении рукописной книги: «О прозе в „Северных цветах“ под названием „Мысли и замечания“». Ссылка на меня, то и следует в „Записки о словесности“». ²² Хвостов обратил внимание на «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкина, опубликованные без имени автора в прозаическом разделе альманаха. ²³ Как следует из заметки графа, его заинтересовало следующее высказывание: «Один из наших поэтов говорил гордо: Пускай в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения». ²⁴

Характеризуя «Отрывки из писем», В. Э. Вацууро отмечал, что в них «нет ни сюжетной занимательности новеллы, ни завораживающего ритма стиха, ни блестящего и подчас парадоксального остроумия анекдота <...>. В них есть только мысль или частное наблюдение, заключенное в форму наброска, отрывка из написанного или ненаписанного. Тем самым и мысль, и словесное ее воплощение берут на себя двойную нагрузку. Если мысль лишена остроты, пронизательности и глубины, если небрежность формы есть просто небрежность, а не естественная непринужденность и изящество стиля, свойственные большому мастеру, — тогда сентенции и афоризмы становятся ложно значительными и смешными. „Мысли и замечания“ требуют особого искусства, они всегда — побежденная трудность». ²⁵

В ряду других «Отрывков из писем» заметка о бессмыслице специально не рассматривалась в пушкиноведении. Ю. Н. Тынянов высказал предположение, что не названный Пушкиным поэт — Дельвиг, ссылаясь на позднейшую запись Вяземского: «Дельвиг говаривал с благородною гордостью: „Могу написать глупость, но прозаического стиха никогда не напишу“». ²⁶ Интерпретируя пушкинскую мысль, исследователь отмечал, что «резкое теоретическое разграничение прозы и поэзии есть и у Кюхельбекера <...>, оно так же, как и противоположные положения карамзинистов, касалось по существу прозы и поэзии как семантических систем. Выпады против „бессмыслицы“ архаистов и, в частности, Кюхельбекера в этом смысле соответствуют борьбе Сумарокова против „бессмыслиц“ поэтического языка Ломоносова. Характерно, что Пушкин в этом отрывке совершенно изжил прямолинейное карамзинское отношение к „бессмыслице“». ²⁷ Анализируя борьбу литературных течений начала XIX века, Ю. М. Лотман применительно к пушкинской заметке о бессмыслице подчеркивал: «Характеристика „бессмыслицы“ первого типа — почти дословное повторение арзамасских упреков шишковистам». ²⁸ Действительно, эта разновидность бессмысленности была характерна для представителей старой литературной школы. Данное обстоятельство позволяет пересмотреть предположение Тынянова, которое

думаете, что его свойства другие, нежели прочих журналистов! К несчастью, хуже всех Гречев, Булгариных и Полевых» (Там же. № 35. Л. 26–26 об.). Между тем Хвостов согласился с оценкой пушкинской поэмы Воейковым-критиком.

²² Там же. № 32. Л. 3.

²³ Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 208–226.

²⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.], 1949. Т. 11. С. 53–54. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Пушкин, с указанием номера тома и страницы.

²⁵ Вацууро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 29–30.

²⁶ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1883. Т. 8. С. 130.

²⁷ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 104.

²⁸ Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 23 (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

впоследствии разделяли Ю. Г. Оксман²⁹ и Л. В. Козмина,³⁰ о том, что в заметке идет речь о Дельвиге. Заметим, что Пушкин пишет с сарказмом, а это едва ли возможно по отношению к издателю альманаха и близкому другу. В высказывании Вяземского нет иронии: Дельвиг говорит с «благородною гордостью» без чрезмерного пафоса, которым преисполнена речь тщеславного поэта в пушкинской заметке. Между тем расчет Пушкина на то, что читатели узнают имя неназванного стихотворца, кажется очевидным. Высказывание известного поэта должно было соответствовать его устоявшейся репутации и являлось нетипичным для Дельвига, слова которого ненароком прозвучали в частной беседе. Присоединимся к утверждению В. Э. Вацура, что «Отрывки из писем» представляют «сгусток литературной и гражданской жизни пушкинского времени. Современники легко разгадывали намеки, где нужно — подставляли имена. Потом споры забылись, люди умерли, имена исчезли».³¹ По-видимому, уверенность Хвостова в том, что заметка касается его, не лишена основания. По справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «„галиматья“ имела своих классиков. С этим же связана специфическая слава Хвостова: создаваемые им всерьез произведения воспринимались читателями как классика бессмыслицы. Но при этом за ними признавалась своеобразная яркость, незаурядность. Это были произведения, возвышающиеся, в силу своей нелепости, над уровнем посредственности».³² Как нам представляется, при написании замечания Пушкин мог воспользоваться остроумным высказыванием друга, как нельзя лучше подходящим для характеристики творчества Хвостова, или, уже после появления «Отрывков из писем», Дельвиг разгадал намек Пушкина на Хвостова и спародировал слова, приписанные графоману, в шутку применив их к себе, подобно тому, как пародировали хвостовские сочинения.

Характеризуя бессмыслицу в стихах как литературное явление, Пушкин использовал прием, уже однажды им опробованный в «Оде его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову», когда, обращаясь к известному стихотворцу, полемизировал с одописцами и поэтами-младоархаистами. По мысли Ю. Н. Тынянова, в послании «Хвостов был только полемическим именем, средством шаржа, а пародия была направлена по существу не против него».³³ Кажется, не случайно в замечании, как и в оде, Пушкин вновь упоминает Байрона. Если в оде Пушкин иронически приглашает Хвостова поддержать греческое восстание вместо умершего Байрона и сравнивает творческую манеру двух поэтов: «Глубок он, но единообразен, / А ты глубок, игрив и разен» (*Пушкин*. 2-1; 388),³⁴ то в рассматриваемой заметке он противопоставляет бессмыслицу в сочинениях классициста бессмыслице стихов английского романтика. По утверждению Ю. М. Лотмана, «в эпоху романтизма и в последующие годы Пушкин неоднократно обращал внимание на разрыв, существующий между „умом“ и „поэзией“: „Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи“».³⁵ Стихотворения Хвостова, снабженные обширными комментариями, служили примером бессмыслицы, проистекающей из-за недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами. Как следует из заглавия заметки, Хвостов и сам пребывал в уверенности, что является стихотворцем с репутацией «поэта бессмыслицы».

Согласимся с А. А. Алешкевич, что в «Отрывках из писем» Пушкина «привлекала способность афористически выражать самую суть явлений, давать возможность читателю развивать и интерпретировать авторскую мысль дальше».³⁶ Так поступил и Хвос-

²⁹ *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 473.

³⁰ *Козмина Л. В.* Автобиографические записки А. С. Пушкина 1821–1825 гг. Проблемы реконструкции. М., 1999. С. 72–73.

³¹ *Вацура В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». С. 34.

³² *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810-х годов. С. 25.

³³ *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин. С. 107.

³⁴ Ср. с другим «отрывком»: «Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного» (*Пушкин*. 11; 52).

³⁵ *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810-х годов. С. 24.

³⁶ *Алешкевич А. А.* О малых жанрах критической и публицистической прозы А. С. Пушкина // Пушкин и русская литература. Сб. науч. статей. Рига, 1986. С. 70.

тов, откликнувшись на короткую мысль пространным суждением. Приводим его отзыв полностью: «В „Северных цветах“, в статье „Проза“ под названием „Мысли и замечания“, страница³⁷ господин замечатель пишет: „Один из наших поэтов гордо говорит, что можно найти в его сочинениях бессмыслицу; а нет ни одного прозаического стиха“. Мне такового пиитического отзыва о самом себе нигде читать не случилось. Мудрено, кажется, чтобы писатель столько себя забыл и стал дарованию своему соплетать <так!> похвалу. Если это пересказанные речи или вылетело в жару приятельской беседы и разговоров, то, веря на слово господину замечателю, обвинить его должно за неприличную нескромность, что печатает как правила словесности речи, мгновенно без умысла сказанные, и выводит пред суд критики, привязываясь к сущей безделке. Воля г. замечателя, стихи на самое обыкновенное содержание не должны быть прозаически <так!>. Стихотворцы всех земель, верно, об этом пекутся, в том числе и наши соотечественники, и современники, и все они не напечатают, как выше сказано, а, верно, думают, что избежали прозаических стихов, ибо знают, что прозаический стих — есть большой порок в поэзии и много портит даже нехудое сочинение.

Творец „Бахчисарайского фонтана“, как и многие другие, о самых обыкновенных вещах изъясняется естественно, просто, но благородно, где затейливости преобладает остроумное, прекрасное сочинение, совершенно отличное от площадных оборотов, обыкновенного разговора и прозы, часто безвкусной и вялой. Попрекают Хераскову, Сумарокову и многим предкам нашей словесности за прозаические стихи. Их извинить можно тем только, что они прокладывали дорогу, а в наше время, когда язык обработан и очищен, то это непростительно; и, конечно, счастлив тот поэт, который может сказать перед лицом критики и потомства, что в его сочинениях не много прозаических стихов. Замечатель, сколько мне кажется, также неудачно примером Байрона определяет бессмыслицу. Сие слово затейливо, но точно утвердить его границ нельзя. Обилие мыслей великого писателя — не есть та причина, от которой обороты его и выражения становятся темными.

Ce que l'ont conçu bien s'énonce clairement,
Et les mots pour le dire arrivent aisément.³⁸

Первая причина темноты, ложности мыслей происходит от самых авторов. Сумароков наш, как и некоторые другие, часто схватя хорошую мысль, не обрабатывая ее, пишут, как она попадется в глаза, например:

Ты князь, князь Галицкий, отрасль Константина,
Однако предо мной ты тень и паутина.³⁹

³⁷ Далее пропуск в рукописи. Хвостов предполагал отсылку к с. 213 альманаха.

³⁸ Хвостов цитирует «Науку о стихотворстве» Н. Буало (1674): «Легко мысль ясную в красивый стих облечь: / Проворно тут слова спешат составить речь» (*фр.*) (см.: Наука о стихотворстве в четырех песнях. С. 14–15).

³⁹ Хвостов не совсем точно приводит диалог из сумароковской трагедии «Димитрий Самозванец» (1770), в котором Димитрий обращается к Георгию (действие III, явление 5):

Ты — князь, князь Галицкий и отрасль Константина,
Однако предо мной ты тень и паутина.

(Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 452 (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.)). В архиве Хвостова сохранилась запись, относящаяся к 1812 году, в которой он характеризует приведенные строки следующим образом: «Правда, что сии стихи вошли в пословицу, но в насмешливую. Если бы последний стих был также удачно выражен, как первый, то были бы они образец высокого. Мысль прекрасная. Противоположение надменности против равного себе выдержано хорошо, но подлые для трагедии слова: однако, тень и паутина обезображивают весь период; итак, чтобы слыть превосходным, надобно при даре уметь писать» (Из архива Хвостова / Публ. А. В. Западова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 386).

Последний стих не только проза, но смешон; а мысли высокие и прекрасные. Самозванец, уничижающий подобного себе человека — есть счастливое поэта изобретение, но выражение совершенно обезображивает мысль. Притом, лов рифмы надутый и щеголеватые слогги часто подвергают писателя справедливому бичу критики и сделают то, что, невзирая на хорошие мысли и чувства, облекут его в ризу бессмыслицы. Лов рифмы и набор щеголеватых слов часто обращаются или в надутость, или в прозу».⁴⁰

Хвостов мог догадаться, кто автор замечания, и не случайно упомянул о стихах «творца „Бахчисарайского фонтана“». Небезынтересно и то, как он трактовал «ризку бессмыслицы». В стихотворении «О красоте русского языка» (1803) Хвостов писал:

Как Ариадны нить влюбленному Тезею,
Язык поэту вождь, какой идти стезею.
Местоимение, Наречие, Глагол,
Пускай бессмыслицы — вина пииту зол.
Соединение меж рифмы и рассудка
Покажется смешно, однако, и не шутка.⁴¹

По мысли классициста Хвостова, поэт должен апеллировать к рассудку, т. е. к разуму. Не потому ли, стремясь объяснить употребление тех или иных выражений, он сопровождал свои стихотворения длинными примечаниями? Обращаясь к «справедливому бичу критики», в послании «О пользе критики» (1810) Хвостов утверждал:

Приличное богам муз вдохновенных слово;
С богами говорить не должно бестолково.
Пропустит критика, бессмертных чти певцов,
Ошибки иногда за красоту стихов;
Она излишние предлоги и союзы
(Чем никогда себя не отягчают музы)
На суд буквальнику иссохшему дает,
Который точки так, как яхонты блюдет.⁴²

В данной связи представляет интерес статья Хвостова «О вольности поэтов», которую граф предполагал поместить в томе прозаических сочинений. В ней, рассуждая о правомерности употребления тех или иных слов и выражений в поэтическом языке, Хвостов замечает: «Поэт, изобразитель природы, кажется мне, не имеет права переступать ни под каким предлогом за ее пределы; ясно, что он не может живописать льва или другого зверя о пяти ногах. <...> Равным образом логика не допустит питомцев муз говорить что-либо несообразное с здравым смыслом. Я сам негде сказал: „Знай, бредить и во сне запрещено поэту“».⁴³ Крайне любопытно мнение Хвостова о назначении сочинителя, о требованиях, предъявляемых к автору: «Я всегда был уверен, что напечатанное сочинение озаряет автора мнением публики. Каждый может писать, что ему угодно, но должен стараться, чтобы везде у него было согласие с правилами искусства, вкуса и языка. <...>. Главная обязанность писателя состоит в том, чтобы он по мере дарования, при благонравной цели, высоких мыслях и чувствованиях соблюдал естественность и плавность слога, приличные роду сочинения».⁴⁴

Заканчивает свои замечания о «Северных цветах на 1828 год» Хвостов оценкой стихотворения «Череп (послание к Д<ельвику>)\», заключающего альманах.⁴⁵ Пуш-

⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 32. Л. 73–74 об. Черновую запись заметки см.: Там же. № 11. Л. 120 об. — 121 об.

⁴¹ Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. Ч. 1–4. СПб., 1817–1818. Ч. 2. С. 15.

⁴² Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. 3-е изд. Т. 2. С. 36–37.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 101–101 об.

⁴⁴ Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. 3-е изд. Т. 1. С. VII–VIII.

⁴⁵ Я. [Пушкин А. С.]. Череп (послание к Д<ельвику>) // Северные цветы на 1828 год. С. 100–107.

кинское послание было опубликовано за подписью «Я». По монограмме и, вероятно, по упоминанию Дерпта, Хвостов пришел к выводу, что стихотворение сочинено Языковым, и оставил о нем следующее суждение, которое непосредственно примыкает к отзыву о «Графе Нулине»: «Замечу только о последнем стихотворении, которое мне не полюбили, и мне очень жаль, что оно так дурно. Это послание Языкова к Дельвигу.⁴⁶ Дерптский поэт пишет прекрасные стихи, а это сочинение, если принять его, и даже в *мистическом* смысле никуда не годится. Что за связь; чтобы убедить современника нашего Дельвига, что он, упражняясь в стихотворстве, оскорбляет дедушку своего, давно умершего барона-рыцаря; на что этого дедушку описывать глупым гордецом, а всего непростительнее — на что семинаристов или студентов, напоя пьяными, отправить на кладбище, подкупить сторожа, вырыть дедушки поэта-барона остаток плотняные. Сделать из оного скелет. Подвергнуть суду законы сторожа, погубить его, и сей скелет, когда студент принужден был переселиться в другой город, продавать по частям. Заключу, что мне очень жаль, что Языков — сочинитель сего глупого, можно сказать, послания. Слышу достоверно, что не он, а кто-то другой напечатал под сочинением литеру Я, чтобы скрыть свое имя. Оно (сочинение. — А. К.) так непотребно, что если бы стихи были прекраснейшие, лучше виргилиевых, то и тогда бы не годились никому».⁴⁷

Оценивая стихотворение, исследователи сходятся во мнении об ироническом характере послания поэта-романтика: «Тема черепа, подсказанная знаменитым обращением шекспировского принца Гамлета к черепу Йорика, получила широкое распространение в современной Пушкину романтической поэзии. <...> Приятель Пушкина, дерптский студент А. Н. Вульф, привез ему в Михайловское череп от скелета, похищенного из склепа с помощью кладбищенского служителя другим дерптским студентом, поэтом Языковым. Скелет оказался останками одного из предков Дельвига. Все это превращает пушкинские стихи о „предмете, философам любезном“, в своего рода ирои-комическую новеллу, шуточный рассказ из студенческого быта» (Д. Д. Благой);⁴⁸ «...отрывок прозы, пародически обнажающий, между прочим, антитезу между бытовой юмористикой истории черепа, принадлежавшего прадеду барона Дельвига, и развитием сюжета о черепе у романтиков» (В. В. Виноградов).⁴⁹ Между тем, привыкшему мыслить категориями классицизма Хвостову осталась не ясна истинная цель дружеского послания, он не почувствовал иронии, скрытой литературной игры. Надругательство над человеческими останками для Хвостова-классика противоречило эстетическим нормам и свидетельствовало о дурном вкусе поэта. Отметим, что особое внимание Хвостова к творчеству Языкова объясняется завязавшимся между ними поэтическим диалогом: поэт-романтик просил поэтического совета у классика. Однако данное стихотворение шло вразрез с представлениями графа об образцовом сочинении.

Знакомясь со статьями в «Северных цветах на 1828 год», Хвостов обратил внимание на «Обзор российской словесности» О. М. Сомова, который встретил негативные реакции критиков.⁵⁰ Позднее об одной из них — рецензии «Московского вестника»⁵¹ —

⁴⁶ На полях заметки сделано примечание: «Заключаю, что Языкова, потому что поставлена литера Я. Иные думают, что это сочинение не его, а такого писателя, который хотел скрыть свое имя».

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 322. № 32. Л. 71 об. — 72. Черновик см.: Там же. № 11. Л. 119–119 об. Впервые опубликовано: Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 414. В публикации не указано, что отзыв был сделан графом в тот момент, когда он считал автором стихов Языкова. Отсутствует и приведенное нами примечание к заметке. Кроме того, зная, что критикуемое графом стихотворение является пушкинским, Морозов произвольно заменил «Языков — сочинитель...» на «Пушкин — сочинитель...», не принимая во внимание, что Хвостов так не полагал, когда диктовал свое суждение.

⁴⁸ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 232.

⁴⁹ Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Лит. наследство. 1934. Т. 16–18. С. 138.

⁵⁰ См.: Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 330.

⁵¹ В рецензии обзор Сомова назван «худшей из всех пиес в прозе» и «каталогом книг, вышедших в 1827 году, считым на живую нитку» ([Б. п.]. Альманахи на 1828 год // Московский вестник. 1828. Ч. 7. № 2. С. 188).

Хвостов оставил заметку, озаглавленную «О „Московском вестнике“, издаваемом г. Погодиным. В „Записки о словесности“». ⁵² Отзыв Хвостова важен в связи с проблемой атрибуции обзора «Альманахи на 1828 год», содержащего разбор произведений «Северных цветов», и в их числе пушкинских. ⁵³ Хвостов писал: «1828-го года, февраля 22-го дня. Я читал 1-й и 2-й № „Московского вестника“, издаваемого на сей год г. Погодиным. <...> Что же касается до суждения г-на Погодина об обзоре г. Сомова в „Северных цветах“, то я присовокупляю чистосердечно, что в оных статья г-на Сомова *есть худшая*. Сие совершенно справедливо, но жаль, что г-н Погодин вмешал в нее (Хвостов имеет в виду рецензию Погодина. — А. К.) все те неудовольствия, которыми г-н Сомов в прошедшем году его огорчил. ⁵⁴ Таковая критика не показывает ли, что источник оной только отместка за собственное неудовольствие?» ⁵⁵ Итак, Хвостов называет автором «суждения» издателя «Московского вестника». Отметим, что Хвостов поддерживал знакомство и состоял с Погодиным в переписке и не сомневался в том, что обзор написан им. ⁵⁶ Таким образом, мнение Хвостова является дополнительным аргументом в пользу авторства М. П. Погодина и характеризует журнальное противостояние Пушкина и литераторов его круга с «Московским вестником».

2

Сохранилось суждение Хвостова и об альманахе «Северные цветы на 1829 год», который вышел в последних числах 1828 года. ⁵⁷ В его замечаниях мы вновь находим упоминание Пушкина. По сравнению с оценкой издания, вышедшего годом ранее, новое мнение графа более категоричное и краткое: «Я читал 1829 года 6 января „Северные цветы“. Повторю о них то, что прежде говаривал. Этот сборник хуже „Полярной звезды“, а нынешний год, по мнению моему, хуже всех „Северных цветов“ прошедших лет. Может быть, нынче зима холодная, более месяца стоит за 20 градусов морозу — следовательно, и оранжерейные цветочки от стужи погибли. Впрочем, вот мое об них мнение. В прозе: лучшая статья, то есть одна хорошая *повесть*, в коей черт соблазняет плотскую девушку, называемую Веру <так!>. ⁵⁸ В стихах: неоспоримо первое произведение, достойное пера Жуковского, достойно европейской славы и литературы, есть его гекзаметры, именно отрывок из „Илиады“, ⁵⁹ а там все статьи, кроме

⁵² ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 1.

⁵³ Историю вопроса см.: *Потанова Г. Е.* М. П. Погодин — критик Пушкина (К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник») // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 1996. Вып. 27. С. 197–202; Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 339–340.

⁵⁴ См. мнение Сомова о «Московском вестнике»: «В ученых статьях сего журнала много есть дельного, а в смеси нового и любопытного. В статьях самого издателя заметно, однако ж, желание при всяком случае выказывать свою ученость. Часто он поступает с читателем как с учеником, заставляя его протверживать старый урок. Что хорошо слышать с кафедры профессорской, то не может иметь места в журнале, которого издатель, хоть из учтивости, должен предполагать в читателях своих достаточную степень познаний и образованности; по крайней мере столько, что им уже не нужно напоминать общих мест ученических» (*Сомов О. М.* Обзор российской словесности за 1827 год // *Северные цветы на 1828 год*. С. 23–24).

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 10–11 об.

⁵⁶ См.: Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погодину // *Лица: Биограф. альманах / Публ. Т. Ф. Неумовой*. М.; СПб., 1993. Т. 2. С. 269–286.

⁵⁷ Цензурное разрешение альманаха получил 27 декабря 1828 года (см.: *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. С. 56–57).

⁵⁸ Имеется в виду «Уединенный домик на Васильевском» Тита Космокротова (В. П. Титова): *Северные цветы на 1829 год*. СПб., 1828. С. 147–217.

⁵⁹ *Жуковский В. А.* Отрывки из «Илиады» // Там же. С. 76–119. Впоследствии, в письме к И. И. Дмитриеву от 14 июля 1834 года Хвостов признавался: «Я отроду гекзаметров не писал, а исповедую, что, по мнению моему, гекзаметры Жуковского лучшие на русском языке» (ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 113).

Катенина стихотворения,⁶⁰ сцены из Ободовского⁶¹ — более или менее плохи. Хуже же всех „Два ворона“⁶² славного Пушкина.⁶³

Стихотворение Пушкина «Два ворона» («Ворон к ворону летит...»), вызвавшее негативное мнение Хвостова, являлось вольным переводом баллады Вальтера Скотта. Сборники баллад Скотта «*Minstrelsy of the Scottish Border*» («Песни шотландской границы»; 1803) на языке оригинала и во французском переводе (именно им и воспользовался Пушкин) сохранились в библиотеке поэта.⁶⁴ Как нам представляется, негативному суждению Хвостова способствовали два обстоятельства. Во-первых, описание предстоящего глумления над телом убитого богатыря выходило за рамки классическо-этической этики. Как мы видели, неприятие Хвостовым подобных сюжетов отразилось в замечании о послании «Череп». Во-вторых, граф мог быть недоволен слишком отдаленным отношением баллады к источнику, что противоречило его собственным переводческим принципам. Хвостов почувствовал, что в основе пушкинского стихотворения лежит не оригинальный текст, а текст-посредник.

В поэтической части альманаха были представлены и другие стихотворения Пушкина, которые граф, видимо не найдя в них недостатков, не упоминает: «Воспоминание», «В альбом П. А. Осиповой» («Быть может уж недолго мне...»), «Город пышный, город бедный», «К И. В. Сленину», «К Языкову» («К тебе собирался я давно...»), «Любопытный», «Наперсник», «Не пой, красавица, при мне...», «Ответ (А. И. Готовцевой)», «Ответ Катенину», «Подражание Анакреону» («Кобылица молодая...»), «Портрет» («С своей пылающей душой...»), «Предчувствие», «Ты и Вы», «To Dawe, Esqr». В разделе «Проза» была опубликована пушкинская «IV Глава из исторического романа» — «<Арап Петра Великого>».

Едва ли граф знал об участии поэта в создании повести Титова «Уединенный домик на Васильевском» — «устной новеллы», рассказанной Пушкиным на вечере у Карамзиных осенью 1828 года.⁶⁵ Критики холодно приняли повесть. Так, «Галатея» признала ее «самою худшею прозаическою статьею», оценив как «изобретение вялое, не обнаруживающее в изобретателе ни тени художественного таланта».⁶⁶ «Московский телеграф» характеризовал новеллу «в роде новых немецких повестей: в ней лица

⁶⁰ Катенин П. А. Старая быль // Северные цветы на 1829 год. С. 33–45.

⁶¹ Ободовский П. Г. 1) Сцена из трагедии «Дон Карлос» // Там же. С. 156–163; 2) Сцена из трагедии «Ромео и Юлия» // Там же. С. 194–207.

⁶² Пушкин А. С. Два ворона // Там же. С. 31–32.

⁶³ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 139–139 об.; другая копия: Там же. № 37. Л. 117.

⁶⁴ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 1367; То же: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Репр. изд. М., 1988. № 1367; Приложение к репр. изд. М., 1988. № 169.

⁶⁵ Ю. М. Лотман (см.: Лотман Ю. М. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 347) и присоединившаяся к нему Е. В. Кардаш (см.: Кардаш Е. В. Повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» / Вступ. статья и публ. Е. В. Кардаш // Пушкин и его современники. Сб. науч. трудов. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 379–380) отмечали в устной природе стиля новеллы влияние традиций литературных импровизаций в жанре «страшного рассказа». Возможно, эта особенность повести и привлекла внимание Хвостова. Он проявлял интерес к устной импровизации. Сохранилось следующее неопубликованное замечание Хвостова о пребывании летом 1834 года в Петербурге чревовещателя Александра Ваттемара: «Об артисте Александре. Вчера я завернул к Н. И. Гречу и видел там штукера, которого прозвание *Александр*. Он приехал из Берлина и испрашивает позволения блеснуть на наших театрах. Он артист необыкновенный; удивительная перемена в голосе и в быстрой перемене костюма восхитила всех зрителей; он один играет до 7 ролей» (ИРЛИ. Ф. 322. № 2. Л. 1а). Возможно, Хвостова также привлек фантастический и мистический оттенок «Уединенного домика на Васильевском». По-видимому, ему нравились подобные занимательные произведения. Так, о романе Греча «Черная женщина» граф писал: «Я читал „Черную женщину“, роман в четырех частях, и хотя не кончил еще и первой, но могу сказать, что роман заманчив, свойства лиц вероподобны, и эпоха времени к нам близка, а именно: царствование Екатерины II-й и Александра I-го; слог благородной, разговорной и прекрасной. Слава Николаю Ивановичу Гречу, автору сей небылицы» (Там же. Л. 5 об.).

⁶⁶ [Б. п.]. Северные цветы на 1829 год (Изданы бароном Дельвигом и О. Сомовым). СПб., 1828 // Галатея. 1829. Ч. 1. № 5. Обзор был опубликован 2 февраля 1829 года. Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 123–124.

русские, но нет ничего русского, да и мало складу».⁶⁷ Отрицательно отзывался о сочинении Тита Космокротова и Жуковский в разговоре с Дельвигом, порицая его за то, что поместил в своем альманахе «длинные и бездарные повести какого-то псевдонима».⁶⁸ Мнение Хвостова представляет интерес как ранее неизвестное положительное суждение об «устной новелле» в ряду негативных оценок.

3

В марте 1828 года в «Дамском журнале» князя П. И. Шаликова появилась статья «Нечто о нелепой критике» за подписью «А<вксентий> Мар<тынов>». Санктпетербург. Марта 1-го дня 1828»⁶⁹ — отклик на рецензию «Московского телеграфа» на сочинения Хвостова, написанную, по мнению автора статьи, его издателем — Н. А. Полевым.⁷⁰ Критик в «Московском телеграфе» с иронией отмечал, сколь велико количество написанного графом. В ответ автор публикации в «Дамском журнале» сопоставляет Хвостова с Пушкиным: «Критик с очевидною несправедливостию приписывает плодовитость одному графу Хвостову, несмотря на то, что многие русские хорошие стихотворцы не менее писали. Умалчивая о других, я ссылаюсь на пример А. С. Пушкина, по справедливости знаменитого поэта, который, судя по летам его, сравнительно с летами Нестора нашей литературы,⁷¹ довольно обогатил отечественную словесность своими произведениями».⁷² В архиве Хвостова сохранились черновик и беловая писарская копия этой статьи, правленные графом,⁷³ а также еще одна перебеленная копия,⁷⁴ снабженная следующим примечанием на полях: «Сей отрывок — есть сочинение Авксентия Матвеевича Мартынова⁷⁵ и послан по почте 19 марта к князю Шаликову для напечатания в „Дамском журнале“ и чуть ниже: «Сие сочинение г. Мартынова напечатано (с некоторыми переменах) в „Дамском журнале“».⁷⁶ Однако поправки Хвостова позволяють заключить, что автором статьи был он сам. О том же свидетельствует и внесенное в оглавление книги с перебеленной копией примечание к данной статье: «В записки о словесности».⁷⁷

Относящийся к Пушкину фрагмент статьи из архива графа расходится с печатным вариантом и имеет более пространственный характер: «Критик с очевидным пристрастием приписывает дар плодовитости одному графу Хвостову, несмотря на то, что многие русские хорошие стихотворцы не менее его писали. Умалчивая о других, я ссылаюсь на пример А. С. Пушкина, по справедливости знаменитого поэта, который, судя по летам его, сравнительно с летами Нестора нашей литературы, довольно обогатил

⁶⁷ [Б. п.]. Альманахи // Московский телеграф. 1829. Ч. 25. № 1. С. 106. Цензурное разрешение получено 5 января 1829 года.

⁶⁸ Дельви́г А. И. Мои воспоминания // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 127.

⁶⁹ Нечто о нелепой критике // Дамский журнал. 1828. Ч. 22. № 11. С. 204–213.

⁷⁰ Брмкрпк [Полевой Н. А. (?)]. Разные стихотворения графа Хвостова, сочиненные после полного собрания. Т. 5. СПб., 1827. XVIII и 229 с. // Московский телеграф. 1827. № 22. С. 165–167.

⁷¹ Подразумевается граф Хвостов.

⁷² Дамский журнал. 1828. Ч. 22. № 11. С. 206–207.

⁷³ ИРЛИ. Ф. 322. № 37. Л. 13 об. — 17 (черновик с датой: «февраля 25 дня»); Л. 20 об. — 26 об. (перебеленная копия, не датированная).

⁷⁴ Там же. № 35. Л. 16–23.

⁷⁵ Мартынов Авксентий Матвеевич (1787–1858) — сын священника, окончил в Петербурге духовную академию и служил чиновником в Комиссии духовных училищ и в Синоде. Был издателем сочинений Хвостова. Преподавал словесность во 2-м Санкт-Петербургском кадетском корпусе. Мартынов выступал в печати с баснями и резко отзывался о Пушкине и литераторах его круга. В 1837 году выпустил свои «Поэтические произведения» в 3 книгах.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 16.

⁷⁷ Там же. Л. 1 об. П. О. Морозов также считал Хвостова настоящим автором статьи «Нечто о нелепой критике» (см.: Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 6. С. 582).

отечественную словесность изящными произведениями. „*Руслан и Людмила*“, „*Кавказский пленник*“, „*Бахчисарайский фонтан*“, „*Онегин*“, „*Граф Нулин*“, „*Цыгане*“ и разные стихотворения слились с пера его к особливому удовольствию публики, которая, верно, жалеет, что он мало пишет».⁷⁸

Как нам представляется, под «публикой» Хвостов подразумевал П. А. Вяземского и поэтов-романтиков. Косвенным подтверждением тому является замечание, что Пушкин «мало пишет», отсылающее к предисловию Вяземского в издании «Бахчисарайского фонтана»,⁷⁹ написанному в период обострения полемики классиков и романтиков. В предисловии Вяземский приводит следующий диалог классика и издателя:

«Кл. Нельзя не пожалеть, что он (Пушкин. — А. К.) много пишет; скоро выпишется».

Изд. Пророчества оправдываются событием; для проверки нужно время; а между тем замечу, что если он пишет много в сравнении с нашими поэтами, которые почти ничего не пишут, то пишет мало в сравнении с другими своими европейскими сослуживцами. Бейрон, Вальтер Скотт и еще некоторые неутомимо пишут и читаются неутомимо».⁸⁰

Исключив при публикации перечень произведений Пушкина и их оценку, Хвостов отказался от полемики. Однако так поступали не все представители классицистической школы. Так, Б. М. Федоров в анонимной статье «Письма в Тамбов о новостях русской словесности» выступил с критикой романтиков, пытаясь «обособить» от них Пушкина.⁸¹ 25 марта 1824 года А. И. Тургенев извещал Вяземского: «Мой секретарь (Федоров был секретарем Тургенева в департаменте духовных дел. — А. К.) пишет на твое предисловие замечания и напечатает у Измайлова».⁸² Полемизируя с Вяземским, Федоров замечает: «Классик говорит: „Нельзя не пожалеть, что Пушкин много пишет; скоро выпишется“. Этого никакой классик и никакой читатель Пушкина не скажет. <...> „Если он пишет много, — продолжает Издатель, — в сравнении с нашими поэтами, которые почти ничего не пишут, то пишет мало в сравнении с другими своими европейскими сослуживцами“. Трудно понять, что за поэты, которые почти ничего не пишут, и где сии немые барды? Наши поэты пишут».⁸³ В число «пишущих» поэтов Федоров включает Жуковского, Вяземского, Шаховского, Воейкова и Рылеева. Пушкин не воспринял высказывание Федорова всерьез, заметив в письме к Вяземскому, что «на Благ. <онамеренного> сердиться невозможно» (Пушкин. 13; 91). С оценкой Федоровым творчества Пушкина связаны следующие замечания Хвостова о поэте.

4

В начале 1827 года Хвостов знакомится с появившимися литературными новинками. В архиве графа сохранилась записка, занесенная в оглавление рукописной книги под «№ 104. О „Памятнике муз“», с позднейшей припиской: «Перечитывая теперь сии замечания, нахожу очень дельным и справедливым и если буду вновь пересматривать, и, погляды, помещу в „Записки о словесности“».⁸⁴ В начале отзыва граф замечает: «10 января 1827-го года. Я с удовольствием читал альманах на 1827 год,

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 17 об. — 18.

⁷⁹ Бахчисарайский фонтан. Сочинение А. Пушкина. М., 1824. С. I–XX. Цензурное разрешение 10 декабря 1823 года. Книга вышла в свет 10 марта.

⁸⁰ Вяземский П. А. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: Вместо предисловия <к «Бахчисарайскому фонтану»> // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 1996. С. 152. Курсив мой. — А. К.

⁸¹ [Б. п.]. Письма в Тамбов о новостях русской словесности // Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 7. С. 53–67. Вышел в свет 1 мая; № 8. С. 95–106. Вышел в свет 22 мая.

⁸² Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с прим. В. И. Сaitова. СПб., 1908. Т. 3: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824–1836. С. 27.

⁸³ [Б. п.]. Письма в Тамбов о новостях русской словесности // Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 8. С. 96.

⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 31. Л. 4 об.

называемый „Памятник муз“. <...> Издатель сей книги Борис Михайлович Федоров поступил очень искусно. Знаменитые, почтенные и любезные публике имена Суворова, Батюшкова, Карамзина, Державина, Жуковского, Пушкина и князя Вяземского, украся альманах, внушили предварительно читателям выгодное о нем мнение. Нет сомнения, кажется, что сами сочинения должны за себя ответствуя, укрепить и умножить славу сочинителей своих». ⁸⁵

«Памятник отечественных муз на 1827 год» ⁸⁶ включал произведения А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова и др. Здесь были напечатаны юношеские стихотворения Пушкина «Романс» («Под вечер осенью ненастной...») (1814), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...»; 1816), «Заздравный кубок» (1816), «К живописцу» (1815), «Отрывки из стихотворения „Фавн и Пастушка“» (1816) ⁸⁷ и «„Сон“ (Отрывок из новгородской повести «Вадим»)» — фрагмент из незавершенной поэмы (1821–1822). В начале альманаха, характеризуя авторов, чьи произведения вошли в сборник, о Пушкине, в частности, издатель говорит: «Уважающим скромность, украшающую блистательный гений, приятно будет узнать, что Александр Сергеевич Пушкин, позволив издателю поместить в сем альманахе некоторые из первых произведений своей музыки, не доверяя достоинству их, желал, чтобы издатель означил время сочинения их. Но в сих произведениях юного поэта виден зрелый дар гения — и тем они драгоценнее для „Памятника отечественных муз“». ⁸⁸

Отзыв о Пушкине вызвал следующее возражение Хвостова: «Когда авторы живы и выдали полное собрание своих стихотворений, именно Жуковский и знаменитый Пушкин, ⁸⁹ и не поместили в оных некоторых своих сочинений прежде издания, то какая нужда, получа оные случайно, помещать в журналах или альманахах; словом все пиесы Жуковского и Пушкина или большая часть оных, мне кажется, не могут прибавить славы сим отличным поэтам, и, кажется мне, что Пушкин прав, когда просил издателя, чтобы поместить при его стихах годы, в кои они были писаны». ⁹⁰ Следуя законам классицизма, перфекционист Хвостов стремился к совершенству, от издания к изданию он переделывал ранние сочинения. Некоторые, несовершенные, не включал совсем или исключал при переиздании, поэтому к желанию Пушкина отнесся с пониманием.

Частное мнение Хвостова совпадает с публичным опровержением Сомова: «В „Памятнике муз на 1827 год“ напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина „Фавн и Пастушка“, стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие пред публикой. Невеликодушно выводить наружу обмолвки покойников, которых всегда должно помянуть добрым словом; но выпускать в свет ранние, незрелые попытки живых писателей против их желания — непростительно». ⁹¹

История с помещением пушкинских стихотворений в альманахе получила продолжение. В заметке «О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной звезде“» (1829) уже сам Пушкин писал: «...г-н Фед<оров> напечатал под моим именем однажды какую-то <?> идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на П-<ан>аева (В. И. Панаева (1792–1859) — поэта, автора сентиментальных идиллий, покровителя Федорова. — А. К.)» (Пушкин. 11; 82). А в неопубликован-

⁸⁵ Там же. Л. 121 об. — 122 об.

⁸⁶ Цензурное разрешение К. С. Сербиновича получено 21 декабря 1826 года. Выход в свет альманаха не позднее 21 января 1827 года (см.: *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. С. 41; *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 2. С. 231).

⁸⁷ В альманахе датировано 1818 годом.

⁸⁸ *Памятник отечественных муз*, изданный на 1827 год Борисом Федоровым. СПб., 1827. С. 3.

⁸⁹ Хвостов имеет в виду: Стихотворения В. Жуковского. 3-е изд., испр. и умноженное. Т. 1–3. СПб., 1824; Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826.

⁹⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 31. Л. 125 об. — 126.

⁹¹ *Сомов О. М.* Обзор российской словесности за 1828 год // *Северные цветы на 1829 год*. С. 35–36; То же: Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 493.

ной статье «<Опровержение на критики>» (1830) Пушкин и вовсе отказался от авторства идиллии «Фавн и Пастушка»: «В альм<анахе>, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на П-<анае>ва» (Пушкин. 11; 157). Неоднократные позднейшие попытки Пушкина скрыть авторство фривольной идиллии «Фавн и Пастушка» были вызваны особым вниманием властей к его произведениям после следствия о «Гавриилиаде». Однако надо полагать, что в действительности все пушкинские стихотворения Федоров поместил в своем альманахе с ведома автора.⁹²

Помимо издательской деятельности Федоров много времени посвящал собственному литературному творчеству, вызывавшему скептические отклики современников. Так, в 1828 году управляющий III Отделением М. Я. Фон-Фок в докладной записке дал Федорову следующую характеристику: «Страсть к авторству увлекла его с молодых лет на литературное поприще, на котором он в продолжение десяти лет был освящаем в журналах и получил название в публике наследника графа Хвостова, который есть его меценат и покровитель. Федоров чрезвычайно плодовит, и писал во всех родах».⁹³ Литературная позиция Федорова-критика и его отношение к творчеству Пушкина в наибольшей степени нашли отражение в статье, посвященной разбору IV и V глав «Евгения Онегина».⁹⁴ Статья появилась в издаваемом Федоровым «Санкт-Петербургском зрителе».⁹⁵ Хвостов не оставил ее без внимания. В рукописной «Книге в прозе за 1828-й год» имеется следующая запись: «№ 12. Вышел прекрасный журнал Бориса Михайловича Федорова, просроча полтора месяца».⁹⁶ Сей журнал достоин похвалы, историческая часть очень любопытна; а что касается до критики на славного Пушкина, я ею недоволен, она справедлива. Издатель не утаивает ни красот, ни недостатков,⁹⁷ но примешивает *такие приветы*, которые, обращаясь в мадригалы, могут не устыдить, а возгордить творца „Онегина“».⁹⁸

«Критику на славного Пушкина» Федоров начал с предуведомления читателей: «Я не намерен хвалить безотчетно и при всем уважении к нашему любимому поэту не скрою того, что мне кажется недостатком в „Евгении Онегине“. — Я даже уверен, что истинный поэт предпочтет беспристрастное замечание пристрастной похвале; легко могу ошибаться в суждении, но, по крайней мере, желаю исполнить долг благонамеренного критика, замечая небрежности Пушкина не для того, чтоб отличаться прихотливостию своего мнения, но потому, что и небрежности славного поэта могут

⁹² См. об этом: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 619–620.

⁹³ Цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». С. 246.

⁹⁴ Вышли в свет под одной обложкой между 31 января и 2 февраля 1828 года (см.: Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. С. 50).

⁹⁵ Федоров Б. М. «Евгений Онегин». Роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. Главы IV и V // Санкт-Петербургский зритель. 1828. Ч. 1. № 1. С. 139–167; То же: Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 59–73. Журнал Федорова вышел в свет во второй половине марта 1828 года (см.: Северная пчела. 20 марта. № 34; 24 марта. № 36).

⁹⁶ В оглавлении книги, которая содержит записи не только 1828 года, но и более позднего времени, заметка аннотируется так: «№ 12. О журнале Бориса Михайловича Федорова „Памятник муз“. В „Записки о словесности“ (ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 1). По недосмотру переписчика или престарелого графа ошибочно указано издание: «Памятник отечественных муз. Альманах для любителей словесности на 1828 год, изданный Борисом Федоровым». Альманах вышел в начале года, в нем не было ни критических замечаний о Пушкине, ни его произведений. Судя по содержанию отзыва, Хвостов говорит о другом издании Федорова — журнале «Санкт-Петербургский зритель». Подтверждением тому служит и местоположение заметки в рукописной книге, которая заполнялась хронологически. Следующая запись — «№ 13. Нечто о нелепой критике» (см.: Там же. Л. 16–23) — перебеленная копия рассмотренной нами выше статьи, отправленной по почте князю Шаликову 19 марта 1828 года, в то же время, когда вышел в свет «Санкт-Петербургский зритель».

⁹⁷ В другой рукописной книге, где помещена эта же заметка, Хвостов высказывается иначе: «ни достоинств» (Там же. № 37. Л. 20).

⁹⁸ Там же. № 35. Л. 15 об. — 16; Там же. № 37. Л. 20.

найти подражателей и превозносителей».⁹⁹ Однако в замечаниях «благонамеренного критика» о «небрежности Пушкина» журнальные обзоры увидели не доброжелательность, а нелепую критику.¹⁰⁰ Так, «Московский телеграф» расценил претензии Федорова к роману в стихах с иронией: «Если г-н Федоров писал свой разбор для того, чтобы рассмешить читателей, то он совершенно достиг своей цели».¹⁰¹ «Сын отечества» отреагировал на критику Федорова так: «Критику „С<анкт>-п<етер>б<ургского> зрителя“ не нравятся *дева на цыпочках*, приветствие поэта читателям: *милые мои*, и весь сон Татьяны, — *de gustibus non est disputandum!*».¹⁰² Критики указывали на архаичность и комичность разбора Федорова, который требовал от автора романа в стихах соблюдения нравственности, по поводу чего Вяземский в письме Тургеневу заметил: «Твой Федоров издает журнал и в нем критикует Пушкина, а пуще всего требует от него нравственности».¹⁰³

В статье «<Опровержение на критики>» Пушкин писал: «Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *Уж*, что и называл он *ужами*, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осутил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и вероятно чиновных назвал *девчонками* (что конечно неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал *девою*: В избушке распевая, *дева / Прядет*» (Пушкин. 11; 149).

Несмотря на обнаруженные недостатки, Федоров заключает статью панегириком в адрес Пушкина: «Но я распространился о недостатках IV и V главы „Онегина“ потому только, что почитаю гений певца „Онегина“, певца „Руслана и Людмилы“; почитаю более, нежели раболепные его превозносители и творцы прежалостных стихов, напрашивающиеся на его дружбу. Скажу более: я горжусь Пушкиным, видя в даровании его новый, блистательный луч славы для отечества, если Пушкин предпочтет истинную, высокую цель поэзии похвалам ничтожным и рукоплесканиям легкомыслия».¹⁰⁴

Последние высказывания Федорова, по-видимому, и имел в виду Хвостов, с иронией именуя их «приветами». Несколько странным представляется его согласие с общей оценкой романа в стихах, и при этом неприятие похвалы автору, показавшейся чрезмерной. Сам преисполненный тщеславия, Хвостов, как думается, даже в критических оценках старался не отступать от классицистических канонов, позволявших публично восхвалять исключительно монархов.

Небезынтересно, что критика Федорова содержит ряд замечаний, на которые ранее указывал и Хвостов. Когда в январе 1826 года вышел первый сборник «Стихотворений Александра Пушкина»,¹⁰⁵ граф в отзыве о нем сделал замечание об употреблении поэтом частицы «уж» в послании «К Овидию» — «Свободные поля взрывал уж ранний плуг».¹⁰⁶ «Я ужей (уж) не люблю».¹⁰⁷ Как и Федоров, Хвостов обратил внимание и на отсутствие «благонаравия» в пушкинских стихах: «Кто спорит, что поэзия Пушкина легка и приятна. Но часто лишена благонаравия».¹⁰⁸ Сравнительно с Федоровым, Хвостов являет собой более дальновидного критика, не вступающего в спор с романтиками. Оставаясь верным своей позиции, он принимает происходящие в словесности изменения как неизбежные и имеющие право на существование.

⁹⁹ Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 59.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 357.

¹⁰¹ Я. Д. Журналистика // Московский телеграф. 1828. Ч. 20. № 5. С. 112. Цензурное разрешение С. Н. Глинки получено 21 марта 1828 года. Вышел 18 апреля 1828 года.

¹⁰² [Б. п.]. «Евгений Онегин». Гл. IV и V // Сын отечества. 1828. Ч. 118. № 7. С. 261. Вышел в свет 23–24 мая (см.: Северная пчела. 1828. 24 мая. № 62). Пер.: «О вкусах не спорят» (лат.).

¹⁰³ Архив братьев Тургеневых. [Вып. 1–6]. СПб., 1911–1921. Вып. 6. С. 67.

¹⁰⁴ Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 73.

¹⁰⁵ Цензурное разрешение получено 8 октября 1825 года.

¹⁰⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 62.

¹⁰⁷ Пушкин и Хвостов / Публ. А. В. Западова. С. 271.

¹⁰⁸ Там же.

До нас дошли и собственные отзывы Хвостова о пушкинском романе в стихах. Так, характеризуя поэмы Баратынского «Пирь» (1820) и «Эда» (1824), вышедшие отдельным изданием,¹⁰⁹ он отмечает: «1825-го года¹¹⁰ февраля 16-го дня получил в подарок от Евгения Абрамовича Баратынского стихотворение „Эда“ — и другое „Пирь“. Сочинение прекрасное, делающее честь Питомцу Муз. Слог, кроме некоторых простонародных выражений, и чист, и плавен. В поэме „Эда“ признаться надобно, что менее чувствительности, нежели в „Чернеце“ Козлова. А в „Пирах“ *не столько веселой игривости, сколько у Пушкина* (курсив мой. — А. К.)».¹¹¹ Проводя сопоставления, Хвостов говорит о произведениях большой формы — поэмах Козлова и Баратынского. Разумно предположить сравнение и второй поэмы «Пирь» с большим произведением Пушкина. Кроме того, и по своему содержанию поэма Баратынского, пожалуй, могла ассоциироваться только с одним из пушкинских произведений, вышедших в свет к тому времени — его романом в стихах.¹¹² Исходя из данных предпосылок, на наш взгляд, «веселую игривость» Хвостов мог подразумевать в «Евгении Онегине».

После выхода «Наложницы» Баратынского,¹¹³ Хвостов пишет статью о поэме, в которой приводит сравнение Онегина с героем Баратынского: «Почитатели Баратынского находят, что Ленской (так Хвостов называет Елецкого. — А. К.) есть подражание Онегину Пушкина. Это мнение совершенно неосновательно. Онегин и Ленский весьма между собой различны. Герой Александра Сергеевича повеса, новый философ, ищущий радостей и забав. Герой Баратынского развратник, негодяй и преступник. Подражателей Онегину можно обратить на путь истинный сатирую. Подражателей Ленского должно обуздать бичом закона».¹¹⁴ В другой, сохранившейся в архиве Хвостова, копии статьи¹¹⁵ характеристика Онегина уже более сдержанная: «Герой Александра Сергеевича повеса, ищущий, следуя новой философии, рассеяния и забав».¹¹⁶ В конце статьи Хвостов заключает, что стихи поэмы Баратынского «вообще не имеют ни той легкости, ни той естественности, которую обилуют прекрасные стихи знаменитого Пушкина».¹¹⁷

Небезынтересно, что Хвостов-классик, разбирая произведения разных представителей, казалось бы, чуждой ему романтической школы, в своих суждениях тонко отмечает различия их творческой манеры.

¹⁰⁹ Баратынский Е. А. Эда, финляндская повесть, и Пирь, описательная поэма. СПб., 1826. Цензурное разрешение 26 ноября 1825 года.

¹¹⁰ В рукописи описка: запись сделана в 1826 году.

¹¹¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 31. Л. 87. Сравнение поэм Баратынского с произведениями Пушкина нашло отражение в современных исследованиях. Так, например, вопрос об ориентации «Эды» на «Кавказского пленника» Пушкина рассмотрен М. Н. Виролайнен (см.: Виролайнен М. Н. Творческая история двух стихотворных повестей // Две повести в стихах: Е. А. Баратынский. Бал; А. С. Пушкин. Граф Нулин / Изд. подг. М. Н. Виролайнен; отв. ред. Е. О. Ларионова. СПб., 2012. С. 111–118 (сер. «Литературные памятники»)).

¹¹² Первая глава получила разрешение цензуры 29 декабря 1824 года и вышла в свет 18 февраля 1825 года.

¹¹³ Наложница, сочинение Е. Баратынского. М., 1831. Цензурное разрешение получено 20 марта 1831 года, книга вышла в свет 20–21 апреля 1831 года.

¹¹⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 37. Л. 178 об.

¹¹⁵ Ее публикацию см.: «Мысли о „Наложнице“, поэме Баратынского» // Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. 1800–1844 / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 264–266.

¹¹⁶ Там же. С. 265. В рукописи стоит дата: 10 июля 1831 года (ИРЛИ. Ф. 322. № 77. Л. 88 об.), позволяющая установить время написания статьи. Хвостов хотел поместить ее в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», затем — в газете «Колокольчик», но публикация не состоялась.

¹¹⁷ ИРЛИ. Ф. 322. № 37. Л. 181 об. Сверху, на первом листе с записью статьи имеется помета: «Переписать начисто к воскресенью и копию» (Там же. Л. 178). По-видимому, с данной рукописи были сделаны две копии: первая, опубликованная в «Летописи жизни и творчества Е. А. Баратынского», и вторая, сохранившаяся в другой рукописной книге (Там же. № 35. Л. 108–112 об.), где озаглавлена так: «Критика на „Наложницу“ Баратынского, назначается в 8-й том прозы и для „Записок <о> словесности“» (Там же. Л. 3 об.). В этой копии фрагменты, относящиеся к Пушкину, совпадают с публикацией «Летописи».

5

Следующую запись Хвостова о Пушкине, судя по ее расположению в рукописной книге, можно датировать августом 1828 года. Граф внимательно следил за попадавшими в Россию иностранными периодическими изданиями, в частности за парижским «Revue Encyclopédique». Просматривая очередной номер, Хвостов делает в рукописной книге замечание: «Отзыв французского журнала „Revue Encyclopédique“, апрель месяц 1828-го года о том, что Император цензор Александра Сергеевича Пушкина (любопытное)»: «№ 51. Любопытно, что в том же французском журнале,¹¹⁸ то есть „Энциклопедическом обзоре“, под статью *Иностранная словесность*. Россия. Апрель месяц 1828-го года сказано: при разборе *Онегина* Александра Сергеевича Пушкина,¹¹⁹ что Император — сам цензор Пушкина, и что из сего следует, что все авторы со временем будут просить о таковой же милости, и что есть надежда, что в России цензура истребится».¹²⁰

Автор упомянутой статьи, живший во Франции знакомый Пушкина, председатель общества «Зеленая лампа» Я. Н. Толстой, сообщал иностранным читателям о выходе IV и V глав «Евгения Онегина» и о том, что цензор автора — сам император, которому «для поощрения столь выдающегося таланта нравится самому читать в рукописи сочинения этого молодого поэта, а иногда даже он оказывает ему честь, сообщая свои замечания».¹²¹ Как отмечал М. П. Алексеев, «огромный интерес прижизненных критических статей о Пушкине в европейской прессе заключается именно в том, что они допускали суждения о таких вещах, о каких в России могли говорить только вполголоса».¹²² Мы же попытаемся ответить на вопрос: чем заинтересовал Хвостова иностранный обзор, в котором упоминается Пушкин?

В архиве графа сохранилась его неопубликованная «Записка, составленная по случаю восшествия на престол императора Николая I и о мятеже, случившемся 14-го декабря 1825-го года». Она не имеет даты и может быть отнесена к началу 1826 года.¹²³ Записка содержит мнение Хвостова о тенденциях свободомыслия, сложившихся в России в середине 1820-х годов, и характеризует его литературную позицию. Хвостов пишет о причинах восстания, об идеях Французской революции, проникших в российскую словесность из-за недостаточной строгости цензуры. В записке граф подчеркивает, что «не имея ни права, ни способов <...> рассуждать о ходе, распространении и политическом наитии зловерного безначалия в любезном отечестве нашем, буду говорить только о явных приметах, рассеиваемых (невзирая на стро-

¹¹⁸ Непосредственно перед приведенной заметкой в рукописной книге помещена копия с письма Хвостова к секретарю Российской академии П. И. Соколову от 9 августа 1828 года со статьей французского военного инженера Дестрема в опровержение неблагоприятного отзыва «Revue Encyclopédique» (Revue Encyclopédique. 1826. Т. 32. Cah. 96. December. P. 672–673) о переводе Хвостовым «Науки стихотворной» Н. Буало (ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 67 об. — 69 об.).

¹¹⁹ Revue Encyclopédique. 1828. Т. 38. Cah. 112. Avril. P. 126.

¹²⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 69 об.; еще одна копия: Там же. № 37. Л. 70.

¹²¹ Цит. по: Дмитриева Н. Л. Франция / Прижизненная известность Пушкина за рубежом // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. С. 271.

¹²² Алексеев М. П. Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 107.

¹²³ Записка занесена переписчиком в рукописную книгу непосредственно перед копией письма Хвостова к А. А. Писареву от 16 февраля 1826 года. В архиве графа хранится «Записка о самом себе или о произведениях моих в литературе» с пометой: «В записки о словесности» (ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 195–200 об.). Она дословно повторяет «Записку, составленную по случаю восшествия на престол императора Николая I». Мысли Хвостова перекликаются с упоминаемым в записке царским «Манифестом по поводу событий 14-го декабря 1825 года» (обнародован 20 декабря 1825 года), гласившим: «Сей суд и сие наказание, по принятым мерам обнимая зло, давно уже гнездившееся, во всем его пространстве, во всех его видах, истребить, как Я уповаю, самый его корень, очистить Русь святую от сей заразы, извне к нам нанесенной, <...> проведет навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовью к Отечеству и страстью к безначалию» (Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 667).

гость цензуры) в еженедельных, месячных и каждодневных листочках и других сочинениях».¹²⁴ По мысли Хвостова, «желание неограниченной свободы книгопечатания не что иное, как желание беспрепятственно соблазнять умы и сердца».¹²⁵ Исходя из данных представлений Хвостова, в иностранном отзыве его в большей степени заинтересовало не столько предположение об отмене цензуры, сколько об особой цензуре для Пушкина. По всей вероятности, Хвостов был хорошо осведомлен, как следовало поступить, чтобы «со временем» добиться личной цензуры императора. Старый граф поддерживал отношения с цензорами А. С. Бируковым, П. И. Гаевским, С. Н. Глинкой, А. И. Красовским, К. С. Сербиновичем и И. М. Снегиревым, с некоторыми из них состоял в неофициальной переписке и, возможно, от них мог узнать об обстоятельствах царской цензуры Пушкина.¹²⁶ Надо полагать, что Хвостов догадывался или знал, что посредником между Пушкиным и высочайшим цензором выступал А. Х. Бенкендорф. Как отмечала Т. Г. Цявловская-Зенгер: «Бенкендорф был не только посредником, но и лицом, предопределявшим решения Николая, обычно соглашавшегося со своим подручным. Даже больше. Будучи совершенно чуждым литературе, ничего не понимая в стихах даже с цензурной точки зрения, Бенкендорф присылавшиеся Пушкиным произведения отдавал на отзыв какому-то (может быть и не одному, а разным) безыменному чиновнику III Отделения, по его мнению, компетентному по цензурной части».¹²⁷

Обратим внимание на то, что к покровительству главы III Отделения обращались многие литераторы, прося его личного заступничества перед цензурным комитетом и лишь иногда для представления сочинений императору.¹²⁸ Хвостов же писал к Бенкендорфу исключительно с целью его посредничества для обращения к царю. В архиве Хвостова сохранились в копиях его письма, адресованные шефу жандармов. Так, 24 апреля на просьбу графа о поднесении стихов к монарху с дозволением их напечатать последовал ответ Бенкендорфа: «Возвращая для напечатания при сем стихи, написанные Вашим Сиятельством на выступление полков лейб-гвардии из Санкт-Петербурга 1828-го года апреля 15 дня, имею честь Вас, милостивый государь, уведомить, что Государь Император с удовольствием изволил оные прочесть». Далее непосредственно в копии письма пояснение Хвостова: «Граф Хвостов 21 апреля подал лично генерал-лейтенанту Бенкендорфу стихи свои на вступление полков при записке, в коей изображено: „В вечное чувство усердия и преданности к Императору, мгновенная мысль и спешная отделка составила стихи, у сего Вашему Превосходительству прилагаемые. Я охотно их напечатаю, если получу на сие Высочайшее дозволение (здесь и ниже курсив мой. — А. К.), коего ожидаю от ходатайства вашего“».¹²⁹ В середине мая 1828 года в письме митрополиту Киевскому Евгению Хвостов писал: «Комитет цензуры, творение нашего приятеля Шишкова,¹³⁰ при последнем издыхании. Опасаясь проволоочки от сего бессмысленного судилища, я рукопись стихов моих во дворце в торжественный 21-го апреля день доставил генералу Бенкендорфу, который <...> возвратил мне оные для напечатания еще в бытность здесь императора

¹²⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 31. Л. 74 об. — 75; Там же. № 35. Л. 197.

¹²⁵ Там же. № 31. Л. 74 об.; Там же. № 35. Л. 196 об.

¹²⁶ Так, в архиве Хвостова сохранилась запись: «Февраля 20 <1828 года>. Послано прошение в Комитет цензурный через г. Сербиновича о напечатании трех посланий: к Языкову, Княжевичу и барону Дельвигу под названием „Переписка стихами на 71-м году от рождения автора“» (Там же. № 35. Л. 9 об. — 10).

¹²⁷ Зенгер Т. Николай I — редактор Пушкина // Лит. наследство. Т. 16–18. С. 514.

¹²⁸ См. об этом: Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 128–156.

¹²⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 51–51 об.

¹³⁰ Министр просвещения А. С. Шишков выступил составителем цензурного устава, принятого 10 июня 1826 года. Загроможденный излишними подробностями и неудобный для практического использования, он получил неофициальное название «чугунный». На основании устава в помощь Главному управлению цензуры был учрежден Верховный цензурный комитет, просуществовавший до утверждения нового устава (22 апреля 1828 года), когда его полномочия вновь перешли к Главному управлению цензуры.

24 апреля».¹³¹ Бенкендорф только однажды выполнил просьбу графа. Как видим, Хвостова всерьез занимал вопрос дальнейшего существования цензуры в России. Уже в мае 1828 года он предполагал возможное упразднение Цензурного комитета, а в августе в замечании о Пушкине высказывал интерес к особой царской цензуре. Дальнейшие попытки Хвостова обратиться через шефа жандармов к Николаю I со своими сочинениями завершались отказом докучливому графоману.¹³²

Регулярное желание графа получать «высочайшее дозволение» на свои стихи, на наш взгляд, позволяет предположить, что и Хвостов хотел для себя милости, подобной той, которую получил Пушкин.

Приведенные замечания графа Хвостова о Пушкине демонстрируют неоднозначность его отношения к пушкинскому творчеству и одновременно вносят коррективы в его утвердившийся образ графомана и безнадёжного архаиста, обнаруживая в Хвостове внимательного критика, верного традициям своей школы, но вместе с тем стремящегося объективно осмыслить происходящие в литературе изменения.

¹³¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 48–48 об.

¹³² Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. С. 151.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-92-103

© Н. Л. Васильев, © Д. Н. Жаткин

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ АНОНИМНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ЭПОХИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ «КТО КОМУ НУЖНЕЕ?» («ИТАК, НЕ СКАЗКА УЖЕ ЭТО...»)*

События Крымской войны 1853–1856 годов вызвали в России необыкновенный подъем патриотизма и волну поэтических откликов по поводу политики Англии и Франции в «восточном вопросе». Об одном из ярких проявлений безымянной сатирической реакции отечественных литераторов на намерение западной коалиции поддержать военным путем Османскую империю в противостоянии с Россией нами уже подробно говорилось.¹

В настоящей статье ставится задача проанализировать обстоятельства появления и распространения еще одного популярного анонимного стихотворения тех лет, авторство которого тоже нуждается в аналитическом осмыслении.

1

9 февраля 1854 года вышел высочайший манифест Николая I: «Мы уже возвестили любезным Нашим верноподанным о причине несогласий наших с Оттоманскою Портою. С тех пор, невзирая на открытие военных действий, Мы не преставали искренно желать, как и поныне желаем, прекращения кровопролития. Мы питали даже надежду, что размышление и время убедят турецкое правительство в его заблуждении, порожденном коварными наущениями, в коих Наши справедливые, на трактатах

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ: «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П. А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)» — № 17-04-00069а.

¹ См.: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. 1) К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145; 2) Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293.